

Брат и Брат 2

Алексей
Наст

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Николаевич Наст

Брат и Брат 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32826433

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2289-5

Аннотация

Кто может яростно ненавидеть сводного брата? Только брат, сестру которого соблазнил брат. Лишь кровь смоет пятно позора! А кто будет орудием мести? Сын брата от сестры? ...Роман на основе текста "Когда враг с тобой". Авантюрные приключения, кровопролитные схватки, откровенные сцены, жесткие разборки мафиозных группировок, яркая экзотика – всё это на страницах книги "Брат и Брат 2". Любое использование и распространение старого текста и под старым названием является незаконным. Содержит нецензурную брань.

«»»»»»

Солнце давило испепеляющим жаром. Белый автобус экскурсионной группы остановился в центре саванны. Среди сухой травы, там и тут, высились колючие кустарники. Далеко, в знойном мареве, плыли могучие баобабы.

– Что у тебя, Джонни?– экскурсовод, губастый африканец, в очках и полосатой футболке, вытащив микро-наушники mp3-плеера, возмущенно взглянул на водителя.

Тот, обритый на лысо, лоснился от пота, источая крепкий запах из всех пор своего могучего тела, смотрел вперёд, и отвечать не торопился...

Остановка в сорокаградусную жару посреди дикой саванны не могла понравиться никому, а особенно она не понравилась экскурсоводу, ведь он отвечал здесь за всё...

– Чертов двигатель, – буркнул Джонни и улыбнулся, скупно, но словно издеваясь.

Заметив эту улыбку, экскурсовод совсем взбесился:

– Вызывай аварийку!

Чуть не трясаясь от нервного всплеска, добавил:

– Быстрее-е-е...

У него возникла мысль добавить ещё пару «ласковых», но, уперевав взгляд в беспомощное лицо водителя, решил промолчать. Что орать на него? Не он же, по большому счёту, виноват в том, что автобус держался на «честном слове» всё это время! ... Не производился ремонт, о котором настойчиво просили и водитель, и он сам – Авессалом. Ничего не дела-

лось! А всё жадность хозяина! ...

Тело расслабилось, но он упрекнул устало:

– Я же просил тебя... Я, как чувствовал, что случится такая лажа...

– Что просил!?! – верзила-водитель зло стукнул ладонями по рулевому колесу, бросил ответный, полный ненависти, сощуренный взгляд. Отозвался злее злого: – Я самый главный го...юк здесь, да?! Так ты придумал?! Я всё решаю в этом чертовом парке? Какие ко мне могут быть претензии?! Я виноват в этой поломке?! ... Я пятый день допекаю босса, прошу выделить новые фильтры...

Заметив, что туристы затихли, обалдев от резкой перепалки водителя автобуса и экскурсовода, Авессалом, глядя вглубь салона и приветливо улыбаясь, спросил на местном наречии у водителя:

– Сколько у нас времени ?... Скоро полдень, затем самый зной...С

водой, мягко говоря... четыре литровые бутылки... А у меня двадцать

туристов, из них шестеро детей и десять женщин... Джонни, ты понимаешь, что я имею в виду?! ...

Водитель , ничего не ответил и, зло толкнув свою дверцу, выпрыгнул наружу...

Туристы ещё несколько секунд смотрели на экскурсовода, но, видя его совершенно спокойное лицо, решили, что волноваться не стоит, и тут же загомонили на своих тарабарских

языках.

«Перекормленные твари!», – подумал Авессалом, потом обернулся к хмурому водителю (сможет он быстро «подлатать» движок?), улыбнулся ему по-доброму:

– Ну?

Водитель открыл капот, пару секунд смотрел на двигатель, потом выглянул, улыбаясь и пожимая плечами, потом задрал голову, устремив взгляд в небо – там очень-очень высоко парили грифы.

Водитель опять посмотрел на Авессалома.

Они снова друг другу дружелюбно улыбнулись... Два человека, которые друг друга не переваривали, всё-таки являлись одной командой.

Джонни-водитель снова задрал голову. Он продолжал улыбаться. теперь уже своим мыслям. А они были оптимистичные. Хотя двигатель накрылся, без какой бы то ни было возможности починить это убожество (а как ещё назвать раритет шестьдесят седьмого года!), он был доволен, потому что грифы парили в самой вышине, почти в стратосфере – наворачивали круги чёрными точками... Это означало то, что «прогулка по саванне» окончится обычным образом, без «страшных» приключений, за которые могло «поругать» начальство. То есть, это значило, что хищников поблизости не было, иначе бы падальщики скопились в тесную стаю, готовые атаковать, чтобы отбить у львов или гиен их добычу! Вот почему, шуря глаза в сторону Авессалома, и мысленно ру-

гая его, Джонни радовался такой «успешной» поломке. Могли ведь заглухнуть и в зоне охоты львов, гепардов или леопардов, а ещё гиен и африканских собак (самых страшных тварей, которые нападают огромными стаями, не боятся выстрелов, и ведут себя, как беспощадные убийцы!).

Он толкнул Авессалома в плечо:

– Вон зебры, вон антилопы-гну, вон жирафы... Займи туристов... Я включил вызов аварийки... Попытаюсь что-нибудь сделать сам, но не буду обнадёживать... Может, получится, может, нет...

– О,кей, – экскурсовод повернулся к оживленно переговаривающимся туристам.

Они были одеты в легкие белые футболки, панамы, шорты, почти все держали в руках смартфоны и ай-пады, у многих были фотоаппараты и видеокамеры. Дети (от шести до десяти лет) что-то жевали, вынимая лакомства из пакетиков. Их мамы, восторженно тыча пальцами, пытались привлечь внимание чад к африканской природе.

Авессалом прервал идиллию:

– Леди, дети, господа ! У нас маленькая заминка. Автобус старый, двигатель немного перегрелся. Дадим ему время остыть! Пока это происходит, мы с вами покинем автобус и пообщаемся с природой тет-а-тет. Прошу вас... Нет никакой опасности! Выходите. Вы же хотели потрогать руками дикую Африку? Дикая Африка к вашим услугам. А наш великолепный водитель быстро устранит маленькую поломку!

– В памятке говорится о строжайшем запрете покидать салон автобуса во время движения по территории национального парка, – коверкая

английские слова баварским акцентом, заявил толстый немец с заднего сидения.

Экскурсовод был предельно корректен:

– Все верно. Но сейчас автобус стоит, а не движется по парку, и я, ваш экскурсовод, который отвечает за вашу безопасность и ваши жизни, рекомендую покинуть автобус тем, кто хочет пообщаться с Африкой по-настоящему, а не возле отеля... Вот реальная, дикая Африка! Хищников в этом районе парка не бывает, честно вам говорю (это истинная правда, подтвердит, кто угодно!), и все желающие могут фотографироваться на фоне дикой саванны и ее мирных обитателей.

...С радостным говором, возбужденные, туристы полезли из автобуса наружу. Особенно радовались дети...

Внутренний голос грыз Авессалома, словно вампир: «Что ты вытворяешь, Авессалом? Нельзя выводить туристов из автобуса, чтобы не случилось! Плевать, что жара! Плевать, что они сойдут от неё с ума, дожидаясь починки двигателя! Возьми себя в руки, и загони всех внутрь этой раскалённой солнцем, железной посуды, пусть там изнывают от нестерпимого жара и скуки, и орут на тебя, и проклинаяют на все лады! Всем будет плохо! И тебе... Но совесть твоя будет чиста... А если сейчас, не дай бог, что-то случится? Например,

кто-то уколется о колючку и потом пролежит в лихорадке несколько суток! Чем ты себя тогда оправдаешь?».

Авессалом посмотрел на копошащегося в двигателе водителя.

Водителю «по шапке» при любом раскладе надают...

А ещё, если попытаться продержат экскурсантов внутри автобуса, все туристы, остаток жизни, будут вспоминать и нудеть: «Чтобы когда-нибудь ещё угораздило поехать в Кению, а, особенно, в тот национальный парк, где такой глупый, тупой экскурсовод!».

И снова Авессаломом овладел страх.

«Зато инструкции начальства будут соблюдены! В этом моё спасение!», – убеждал он себя. И тут же сам себе задавал вопрос: «Что будет потом? Меня назовут никчёмным, неумелым ...». Это был бы самый лучший вариант. Могут и уволить. А сначала хозяин изобьёт так, что даже думать об этом было страшно. Искалечит, урод, а потом иди, подыхай в сухой, проклятой саванне... Нет, он развлечёт свою группу, уберёжёт их от неудобств, а потом все вернутся в новый отель, который был по плану в конце маршрута, и никто не вспомнит об этой мелкой неприятности...

Защелкали затворы смартфонов и фотоаппаратов. Тут и там раздавались всполохи фотовспышек. Мамаши вели видеосъемку, смеялись.

Несколько женщин, сбившись в группку, направились к ближайшим

кустарникам.

– Леди, не уходите далеко ! – закричал Авессалом.

Плохое предчувствие, возникшее у него, как только автобус «захлебнулся» и «сдох», именно сейчас усилилось, давя на сердце, словно он был гипертоником.

– Леди!!! – закричал он что было сил.

«Это плохо кончится!» , – предрёк внутренний голос.

Авессалом чертыхнулся своему предсказанию. Господи, как же плохо всё пошло! ...

– Леди!!! – снова, и более настойчиво, прокричал Авессалом. Они обернулись. Все смеялись. Одна ответила:

– Кусты живописные, прекрасный фон для фотографий.

Тут же Авессалому подумалось: « Я теряю контроль над ситуацией! Это недопустимо!».

Но что можно было сделать? Только прокричать:

– Осторожнее, прошу вас! В кустах могут быть змеи и насекомые!

– Смотрите, смотрите, жирафы ! – прокричал кто-то из мужчин-туристов.

Авессалом оглянулся на крик.

Две женщины с детьми, и двое мужчин, изумленно глазели на, пробегающих в ста метрах от автобуса, жирафов.

Водитель, забравшись под капот, зло поругивался.

– Что там у нас? Сам не сможешь починить? – Авессалом изобразил интерес, хотя никогда ничего не понимал в механике – просто, надо было, как-то показать своё внимание к

проблеме.

– Авессалом, не доставай меня. – огрызнулся водитель.

Злить его не следовало, и Авессалом отошёл.

Выхватывая взглядом группки, Авессалом пересчитал туристов –

все были на месте... Да и куда им было деваться? Но...

В это раз подобралась такая разномастная группа... Немцы, англичане, шведы, хорваты – все европейцы, все приехали в далекую Африку полюбоваться на диковинных животных в их естественной среде обитания, заплатив за это «удовольствие» приличные деньги. Но Авессалом знал на своём опыте – такие группы считались самыми «проблемными» – европейцы были разбалованы, были всем недовольны и, каждую минуту грозились, что нажалуются начальству. Во время общения с ними, улыбаясь им счастливо и плебейски кивая головой в знак полной покорности, Авессалому всегда хотелось их поубивать, таких упитанных, богатеньких и самодовольных. Они же не были чем-то лучше, они работали на обычной работе, отсиживали свои задницы с девяти до пяти, а здесь вели себя, словно крезы... Просто здесь, в Африке, за ту же работу, в десять раз более качественно выполненную, платили в сто раз меньше, чем в старой доброй Европе. И вся Африка, весь мир, мечтали порвать эту подёрнутую «благородной» плесенью, старую Европу, которая незаслуженно почивала на лаврах... Ещё Европу называли континентом пенсионеров... Респектабельный дом преста-

рельных со всеми удобствами! Ничего, старпёры, держитесь, скоро Африка вам устроит такую старость, что вы проклянёте всё на свете, в том числе своих предков, которые создали колониальные империи. «Рабы» вернуться! Не ждали!? А вас уже никто ни о чём не спросит. Учите арабский!

Авессалом хмыкнул...

И тут поток мыслей оборвался, и сразу стали слышны гадкие, отвратительные звуки, которые Авессалом ненавидел с детства...

Звуки были совсем рядом – в высокой траве двигались обезьяны. Много обезьян. Стадо! Не меньше сотни особей.

АвессаломАвессалом поморщился: как унюхали эти скоты запах туристического автобуса? Видимо, были совсем рядом. Сейчас начнется свистопляска – облепят автобус и будут выпрашивать подаяния. Милые такие, смешные обезьянки... Вот невезение ! Теперь проблем не избежать!

Авессалом, нервно отвернувшись от автобуса, стал торопливо мочиться в пыль. Только бы всё прошло нормально! Ему необходимо провести экскурсию по высшему разряду! И он так и сделает! Да, да. Плевать ему на всех обезьян вместе взятых! Он закончит сейчас, стряхнёт, застегнёт брюки и возьмёт ситуацию под свой полный контроль... Конечно, бабуины – моральные уроды, но иногда, они ведут себя, как паиньки. И сейчас эти твари будут такими же добрыми и покладистыми...

Когда он оборачивался, пряча маленький, сморщенный

член в ширинку, у него была только одна мысль: только бы всё обошлось! Обезьяны придут, пройдут, и уйдут, а двигатель заработает, и они, вся группа, мирно и чинно, поедут дальше! И ему дадут премию! Большую, реальную премию, а не десять килограммов сушеной рыбы... Большую, реальную премию!

Водитель захлопнул капот. Отирая грязные руки ветошью, подошел

к Авессалому, спросил прямо:

– Нервничаешь?

Авессалом дёргался, и никак не мог остановиться – всё трогал, и трогал член в штанах (казалось, что он располагался не так, как-то не правильно)... Сознался, мучительно кряхтя:

– Очень нервничаю. Видишь, обмочился...

– Руки убери.

– Откуда руки убрать? – не понял Авессалом.

– От туда. Не трогай его!

– Не могу! Потряхивает от волнения!

– Авессалом, при мне др...ить ты не будешь!

– Меня всего трясёт! И не др...ил я! С чего ты взял?!

– Ничего я не брал. Сказал, что видел. Дамочки тут приятные. Отвернулся, и давай...

– Ха-ха! Ну, ты придумал! Говорю: трясёт от нервов!

– Почему?

– Видишь, вон там... – дёрнул Авессалом подбородком.

Джонни обернулся и в душе у него похолодело.

– О-о... Бабуины... Только их не хватало!

Джонни вздохнул, добавил, совсем приводя Авессалома в подавленное состояние:

– Эти твари сейчас дадут нам жару!

– Они туристов задёргают вымогательствами... Облепят автобус...

– Что ты мне рассказываешь, – освирепел водитель, понимая, какая проблема приближалась. – Знаю без тебя, как нервы мотают эти ублюдки! Была бы моя воля – выбил бы всех бабуинов в саванне! Это самые мерзкие твари Африки! Это... слов нет...

Авессалом отозвался слабым голосом, совсем беспомощно:

– Остаётся надеяться, что аварийка прибудет скоро.

Он пошел к туристам, чтобы пришествие приматов не напугало детей и дам.

– Леди! Господа! Посмотрите туда! ... Видите обезьян?... Не волнуйтесь! Они безопасны. Можете покормить их печеньем. Но берегите свою фото-видеотехнику и смартфоны – они назойливы!

– Детям можно их кормить?

– Конечно... Но будьте с ребятами рядом. И не подходите к крупным самцам. Они безопасны, но, бывает, могут кинуться с воплем, и напугать. Им угощение предлагать не стоит! Они ваше печенье отнимут у слабых обезьян...

Стадо бабуинов, под предводительством матерого вожака, выйдя из сухой травы на дорогу, вдруг, с леденящим душу визгом, бросилось на людей, не собираясь ничего просить...

Джонни охнул – самцы бабуинов, величиной с крупных собак, опрокидывали детей, рвали им глотки, лица. Женщин и мужчин облепляли пять, шесть, семь животных.

– Господи!

Авессалом содрогнулся, и тут же был сбит с ног налетевшими животными. Боль заглушила крики и вопли умирающих, липкая кровь наполнила его рот, и он забылся в красной предсмертной пелене. Его тело рвали острые зубы, и в его распоротом животе рылись лапы, выхватывая кишки, пожирая их.

– Ма-ма-а!

Малыш семи лет, плача, бежал по дороге от автобуса. За ним увязались несколько самок. Он оглядывался и орал, теряя голос от ужаса:

– Мама! Мама!

Обезьяны легко догнали и опрокинули ребенка.

Вопль отрезвил Джонни – он сбросил с себя оцепенение ужаса, окутавшее его от созерцания страшной оргии – в пыли, плача, ревя, бились люди, пожираемые заживо бабуинами.

Джонни, могучим ударом кулака, опрокинул оказавшегося рядом самца– вожака, оравшего от своего могущества на своё стадо, и побежал к клубку из обезьяньих тел – там виз-

жал разрываемый малыш... Самки, свистя при виде гиганта, бросились врассыпную.

Малыш сидел в пыли, весь в крови и соплях, и трясясь, громко ревел.

Джонни на бегу подхватил его и, прижав к себе, продолжил бежать

прочь... Малыш ревел, сзади выли в голос пожираемые туристы, а Джонни бежал, и бессмысленно смотрел в небо – грифы сбивались в стаю – их ждал большой пир...

У него не было ни одного шанса выжить... Но львы спали, после удачной ночной охоты, а гиен он не встретил...

Через три часа Джонни с полумертвым малышом на руках, пришел к отелю «Свазерленд», куда и направлялся их экскурсионный автобус. Всех пронзил шок – такой трагедии в парке «Кейсбери» не случалось никогда...

Это страшное происшествие дало продолжение двум обыденным жизненным историям, начавшим своё течение в далёкой, зыбкой, морозной России... И продолжение это никому даже в самом страшном, жутком сне присниться не могло! Но оно случилось...

«»»»»»

Сухогруз «Обезьяна» магаданской фирмы «Реликт», под

флагом Камбоджи, приняв груз в Морони – столице Коморских островов, взял курс прямо на Могадишо – столицу и главный порт Сомали.

«Обезьяна» четвертый год слонялась по Индийскому океану, берясь за любые перевозки. Не смотря на почти постоянную загрузку, команда пятый месяц не видела зарплату, а в каждом порту приходилось скандалить – представитель фирмы-владельца Асанов рубил цены за обслуживание, разгрузку и топливо, ссылаясь на безденежье. Во многих портах «Обезьяну» ждали с нетерпением, чтобы арестовать за долги – обещанные деньги за выполненные портовиками работы российский офис всё никак не мог перегнать на счета: то непредвиденные обстоятельства, то финансовый шторм, то насморк у председателя совета директоров. Как говорили матросы, год не читавшие российских газет в натуральном виде (интернет работал), и не «любившие» законных жен (в натуральном виде), на фирме завелись «жадные суки».

Многие ждали зарплату, чтобы сразу плюнуть на опостылевшую работу и мчаться на перекладных домой.

Асанов на все демарши орал, а потом, жалко улыбаясь, просил потерпеть ещё месяц-другой.

– Смотри, Петрович, мы знаем, что у тебя в несгораемом шкафу энное количество зелёных и евро. Доведёшь мужиков – удавим, и за борт выбросим, а сами – по домам, – выразил однажды общую обиду боцман Мягков.

Асанов ему долго и нудно объяснял ситуацию – это не

деньги фирмы, а оборотные средства, благодаря которым «Обезьяна» кое-как цепляет грузы и рассчитывается с портами, а прибыль идёт безналичкой в магаданский офис, и мудят именно там – дома, а он такой же, как они – трудяга, заложник обстоятельств.

Рейс на Могадишо, и дальше на Аден, капитан «Обезьяны» Утанов Сан Саныч не одобрял в принципе: во-первых, в развалившемся на удельные княжества Сомали царил, его величество, бардак, и в порту Могадишо в особенности, а у побережья Йемена, где не так давно завершилась верблюжья война между арабскими кланами сынов пустыни и морскими торговцами, вела патрулирование группа кораблей пятьдесят второй бригады пятого флота США – эсминец «Банатога» и крейсер-вертолетоносец «Флорида». Американцы относились к «диким» транспортникам из России излишне придирчиво и могли запросто (для потехи) задержать корабль и отбуксировать на досмотр. На все протесты частных фирм из Москвы, шли стандартные отговорки о борьбе с пиратами и о благотворном сотрудничестве Соединённых Штатов и Российской Федерации, причём, американцы обоснованно ссылались, что задерживаемые суда плавали не под российским флагом.

Досмотр американцев – было самое обидное, что позволяли себе «американские партнёры» вытворять над российскими матросами. Хотя, корабль-то числился не за Россией, а (по бумагам) принадлежал государству Камбоджа, потому

никаких дипломатических последствий из-за американского усердия быть не могло.

Как происходило столь «яркое» событие?

Сначала патрулирующая эскадра живописно, словно асфальтовый каток, «накатывалась» на одинокий транспортник. Корабль останавливали надолго, срывая все сроки доставки груза, обшаривали все углы (вплоть до личных вещей экипажа), а самих матросов, после допроса на детекторе лжи, отдавали медикам – те искали запретное в анусах обобленных русских мужиков.

– Вот, уроды, довели Россию – сначала, сколько лет дома нас загибали в «лихие девяностые» и «пустые двухтысячные», а теперь и здесь тоже самое! Загибают!

– Хорошо, хоть не трахают.

– Трахают! Мне в жопу палец засунули!

– Петрович, ты не ошибаешься? Может, не палец?

– Откуда я знаю!

– Не разговаривайт! Куда спрятал? У нас информашон! – гремел плохой русский из глотки надзирающего за «досмотром» офицера.

– Я буду жаловаться своему правительству! – выл боцман.

– Сухогруз есть регистрация Камбоджа, будет вам всем неприятности, если что найдём...

– Вот– вот, у них поищи. В Камбодже...

Утанов передёрнул плечами, вспоминая тот памятный досмотр – тогда «Обезьяна» транспортировала из Ирана в

Оман бочки с сахарным сиропом. Американцы остановили сухогруз под предлогом поиска радиоактивных элементов. Даже в задницах эти контрабандные элементы искали. Как теперь будет? Бог даст, проскочат... Только бы он дал! ... А всё жадность Асанова – он ухватился за груз до Сомали и Йемена, узнав, что арабские торгаши дают на пятьсот двадцать кусков зелени больше, чем по обычному тарифу. Всё из-за местных пиратов, чёрт их дери, очень неистребимых, потому что никто и не собирался их истреблять или наказывать. Сколько уже эскадр стран западного мира дежурили на морских путях, а воз, как выражался классик русской литературы, оставался «и ныне там». Пираты пиратили, эскадры эскадрили. Только не соприкасались – и без этого дел всем хватало...

Теперь сухогруз шёл в свой самый опасный рейс.

Асанов стоял тут же, на капитанском мостике. Матрос Фонарёв следил за штурвалом.

Асанов взглянул на свои часы. Обратился к хмурому капитану:

– Сан Саныч, по графику идём?

– Мы график всегда выдерживаем, Петрович. Ты парням авансик подкинь. В Могадишо выйдем, они хоть шалав подерут, да шмоток прикупят. Там теперь, вроде, всё по закону... Вчера по интернету, как смогли, всё разузнали...

– Саныч, ты меня знаешь – не было бы там закона, я бы ни за что не подписался на маршрут и груз.

– Я про парней говорю...

– Саныч, я всё понял. Всё будет без обиды – по двести баксов каждому кину. И для камбуза тысячи три зелёных отсчитаю – фруктов возьмём, мяса. Всё будет путём.

– Какой путём?! Не люблю я в Могадишо швартоваться. Там, в последнее время, полный беспредел творится, хотя город принадлежит законному правительству.

– А кто любит? Сомали – деградировавшее государство. Набор княжеств. Потому арабы и врубили на пятьсот двадцать кусков сверху.

– Команде какой прок от этих кусков?! – в голосе Саныча послышался металл.

Асанов дипломатично ушёл от ответа, улыбаясь, пожал плечами – мол, твоё, капитан, дело маленькое, рули, куда прикажут хозяева. Отозвался легоньким тенорком:

– Не ной, Саныч. Вон, у Параева в Могадишо младшая сестра замужем за негром, живёт нормально, никого не боится.

Утанов хрюкнул – про сестру Параева на корабле ходили невероятные легенды: то у нее муж сомалиец-олигарх, то – известный бандит, то – двоюродный брат премьер-министра. Все советовали Параеву-старшему во время разгрузки сбегать с корабля, затаиться в тюках, а потом просить убежища – не бросит же преуспевающая сестра непутёвого братца! Параев смеялся: «У неё муж доктор, ветеринар – у нас учился во Владивостоке. Лидка за него по дурости замуж выско-

чила, а теперь живет где-то в хижине, в окрестностях Могадишо». «Может, её давно негры дикие выкрали, ну, из саванны!» – смеялись мужики. «Может быть. Вестей давно не было. А у них там беспредел полный... Зачем туда поехала – не знаю!», – вздыхал Параев...

Шестого апреля «Обезьяна» вышла на рейд Могадишо. Ждали нападения пиратов, готовились отразить – у всех были заранее припасены рогатки и железные гайки, но пронесло. Радиопереговоры дали результат – кораблю разрешили войти в порт и стать на разгрузку.

Когда сухогруз швартовался к причалу, вся команда, запасшись рогатками, вышла поглазеть. Боецман выволок из трюма деревянный ящик, полный стальных гаек – на всех российских кораблях рогатки были единственным средством борьбы с пиратами и хулиганьем – вроде не оружие, но под свист стальных гаек не сильно полезешь штурмовать – размозжить голову две секунды.

На причал выехали восемь военных джипов, оставшихся после спешной эвакуации американцев в начале девяностых, все перегружены африканцами в камуфляжах с автоматами.

– Ни хрена себе! – присвистнул Параев.

– Тут никакие рогатки не помогут, – сказал боецман.

– Банда Бабека! – беспечно сказал Асанов, забросив подмышку папку с документами, и побежал по трапу вниз.

– Сейчас нас всех в рабство продадут, – сказал кто-то из

мужиков. – А его завалят тут же.

– Должны завалить, – согласились остальные...

Банда полевого командира Бабека была одной из самых могущественных в Сомали, и контролировала весь порт и несколько городских кварталов двухмиллионного мегаполиса. На премьер-министра и президента страны Бабек чхал, творил своеволие и, вообще, жил независимым князьком, но в общении с зарубежной прессой твёрдо заявлял: «Мы с президентом друзья!».

Когда американцы пытались очистить порт от боевиков Бабека и прислали сюда больше двадцати пяти тысяч морских пехотинцев, Бабек отступил, выждал время, а потом так отшуровал из минометов и АКМов незваных «гостей», что в Вашингтоне никак не могли решить, что же делать. Горстка дикарей совсем не боялась всесильного флота Великой Америки. Люди Бабека, словно муравьи в траве, рассыпались по городским джунглям большого Могадिशо, продолжая днем и ночью исподтишка убивать американцев и помогавшим им европейцев.

«В честь чего нас должны здесь грохать?», – возмутились морские пехотинцы. В контракте прохождения военной службы, было указано: бесплатное питание, бесплатное обмундирование, месячный оклад в две тысячи долларов, возможность получить, во время службы, высшее образование, и возможность посмотреть мир. Но там нигде не указыва-

лось, что на втором году службы тебя может завалить некто Атаута-Тута-Мута, который до сих пор на ночь молится своему автомату и считает белых людей недоразвитой ветвью человечества. Интервенция провалилась – американцы уехали, оставив пирамиды бочек с горючим, а «победитель» Бабек, вернувшись в порт, обнаглел ещё больше, то есть, сверх всякой меры. А он и до этого был безмерно наглым хамлом!...

Давно это было...

Прошли годы, но ничего не изменилось. Бабек так и царил в порту.

Как это было ни удивительно, злодеи в джипах Асанову обрадовались, пожимали руку, обнимали, а после потеснились, давая место в джипе, и вся кавалькада умчалась.

– Петрович умеет с чёрными разговаривать, – глубоко-мысленно заявил боцман Мягков – упитанный щекастый человек в рабочем комбинезоне. Он поиграл рогаткой и, уже совсем успокоившись, пошёл на камбуз, разузнать, как дела – время близилось к обеду.

С наступлением темноты началась разгрузка – прожектора осветили сухогруз, портовые краны вытягивали из грузового отсека гигантские, упакованные в белую материю тюки, и опускали их прямо на причал.

На причале бегали местные грузчики – тюки складировались в трейлеры и увозились в неизвестном направлении.

Усталый, но весёлый, Асанов вернулся на борт.

– Петрович, что там? – матросы тусовались у капитанского мостика, предчувствуя аванс и выход в город.

– Бандиты, – коротко объяснил ситуацию выдавший виды Петрович. – Через десять минут начну выдавать аванс – сейчас по сотне, утром – ещё столько же.

– Сразу две можно?

– Вы же сейчас на берег ринетесь, а там б...ди и пьянь непутевая. На гудежь – по сотне баксов за глаза хватит, ещё сдача останется, а на базар и личные закупки – утренняя выдача.

– Угнетаешь ты работяг, Петрович.

– О вас же думаю.

Асанов вошёл на мостик. Капитан Утанов склонился над картой, подняв глаза, задал немой вопрос.

Асанов бросил папку с документами на стол, ухватил термос с прохладным кофе.

– Не ожидал, что договорюсь с Бабеком. Он с каждым годом всё наглее становится. За разгрузку берёт отступного двадцать кусков зеленю. Боялся – заломит. Он здесь всему владыка, как скажет, так и будет.

Налив в крышку термоса кофе, он жадно опрокинул его в рот, блаженно выдохнул воздух.

– Уф-ф. Адреналин сплошной от такой работы... Ситуация на берегу спокойная. Бабек заверил, что никого не обидят. Думаю, людей пускать можно.

Капитан пожал плечами – можно, так можно.

Асанов заулыбался.

– А вам, Александр Саныч, как аванс выдать? Сразу – три тысячи долларов, или тоже в город пойдёте? ....

«»»»»»»

Огромный амбал, в парадной форме милиционера времён Советского Союза, опрокидывая столики, прошёл в середину кафе. Было накурено. Форма милиционера сидела на нём, как влитая.

Один волосатый негодяй, не выдержав строгого взгляда, вскочил.

– Какие ваши доказательства? – завопил он по-русски с жутким американским акцентом.

Шварценеггер бухнул в него могучим кулаком, роняя на пол вместе со столом и стульями...

– Ишь, как у них! – ухмыльнулся, качнув головой, Катаев и отвернулся от экрана телевизора.

Его взгляд упёрся в бритую физиономию юного племянника – родители отмазали его от армии, но на пользу такое парню не пошло. Сейчас он сидел, набычившись, на диване, и ждал разгоняя. Под обоими глазами «красавца» светились профессионально поставленные «фонари».

Голос Катаева гремел, как проповедь Римского папы:

– В Америке не разбираются – хрясть по морде! Ты понял? А? У них быстро дерьмо на место ставят!

– Это про нас показывают, – сердито сказал племянник. – Про Москву. Шварценеггер советского милиционера в этом фильме играет. Лихие девяностые...

– Про нас? Правильно показывают, – тут же согласился Катаев. – У нас с бандюганами теперь тоже не церемонятся, прошли времена.

«Фонари» родному племяннику «засветил» сам Катаев – «подарок от любимейшего и почитаемого дяди».

Когда Катаеву настучали осведомители о проделках Павлика, Катаев решил привести племянника в чувство не через обожавших единственное чадо родителей, а лично.

– Кто я? – спросил Катаев, найдя племянника у небольшого рынка в одном из районов Подмосковья.

Павлик не удивился «наезду» дяди, ответил скороговоркой, словно юный солдат, прибывший в часть:

– Ты мой дядя. Майор ФСБ. Хороший человек.

– Правильно, – согласился Катаев, но не «подобрел». – А ты, знаешь, кто ты есть?

– Тоже хороший парень? – племянник радостно заулыбался.

Катаев махнул ладонью суровым дружкам племянника, и те мгновенно отошли на очень далёкое расстояние, чтобы не мешать «родственному общению». Катаев рыкнул на племянника:

– Ответ не правильный, мой юный друг. – Улыбка дяди не предвещала племяннику ничего хорошего. Катаев взвился. – Ты козёл! Родину защищать ты с..шь, а пойти в бандитские «шестёрки» ума и совести хватило! Ходишь с толпой ублюдков и мелких торгашей грузишь! Кто ты такой? У тебя же плоскостопие и этот... рахит! И ещё, в твоём покупном диагнозе – скудоумие и недержание мочи. Ты конченный урод! Ты в армию России идти испугался! Ты трус!

– Хватит! – огрызнулся племянник.

– Правильно, хватит болтовни, – снова согласился Катаев и, всё-таки сдерживая силу (не убивать же родню!), врезал кулаком, сначала в правый, а, когда племянник попытался подняться, и в левый глаз любимейшему младшему родственнику.

Рэкет-компания, таких же, как Павлик, слюнтяев-«шестёрка», дёрнуться на Катаева не посмела, и посметь не могла – эти товарищи за версту чуяли, с кем имели дело. Трусливо улыбались на расстоянии...

Дома Павлик поклялся «завязать».

Теперь Катаеву предстояло решить, что делать дальше – работать Павлик ленился, а найти место, где давали деньги ни за что, было не так-то просто...

Катаев ещё раз измерил злым взглядом «любимого» племянника и, повернувшись к телевизору, переключил канал. Диктор с сурдопереводом оглашал новости:

– Второй месяц в порту Могадишо находятся в залож-

никах четырнадцать членов экипажа сухогруза «Обезьяна». Российских граждан захватила бандитская группировка полевого командира Бабека, контролирующая порт и прилегающие районы столицы Сомали. Сухогруз доставил в порт Могадишо спецгруз. За разгрузку и обслуживание группировка Бабека получила оговоренные деньги, но Бабек потребовал еще сто тысяч долларов. Магаданская фирма «Реликт» отказалась идти на поводу у военной группировки. В отместку Бабек захватил корабль – российские моряки не имеют права сходить на берег и находятся под неусыпным контролем двадцати боевиков, вооруженных автоматами.

На экране сменялись живописные кадры африканских пейзажей – негры в камуфляжах с автоматами на корабле, порт, заросли, военные в джипах. Катаев с удивлением внимал информации.

Диктор продолжал:

– Ситуация осложнена тем, что в Сомали нет Российского посольства и переговоры по телефону ведёт российский консул из Эфиопии. Два дня назад экипажу позволили позвонить домой. Наши моряки держатся хорошо и ждут разрешения конфликта между местной мафией и фирмой-владельцем сухогруза. Как всегда, крайним оказался экипаж.

– Ты бы, дядя, вон, чем занимался, – ехидно произнёс Павлик, кивая на экран телевизора. – Прямыми обязанностями. Нас уже и дикари не уважают.

– Точно. Не уважают, и давно, – согласился Катаев...

«>>>>»

...Синяя с перламутром «Лада-приора» вошла в парковочный ряд легковых автомобилей перед зданием центрального офиса управления ФСБ. У своей белой «Хюндай-сонаты» томилась в задумчивости, секретница Андреева.

–Алекс, ты всегда в другой ряд ставила, – крикнул ей с улыбкой Катаев, выходя из своей «приоры».

–Никита, я тебя поджидаю.

–Меня? – Катаев удивился. До этого Андреева к нему персонального интереса не питала.

Заинтригованный, он быстро включил центральный замок и повернулся к Александре с американской улыбкой.

–Никита, мне всегда не нравились твои машины, – заявила с сомнением Александра. И пояснила, убравшему улыбку Никите. – Сначала битая «девяносто девятая», теперь «приора». На иномарку мощи не хватило? Не смог призанять? Никита, объясни!

–Я поборник российского автопрома!

–Смешно!

–А мне нет! – Никита собирался насупиться в обиду. Что она, поджидала его, чтобы поёрничать над машиной? А чем плоха «приора»? Она лидер продаж в России в этом году!

–Меня к себе требует твой непосредственный босс, – вдруг совершенно чужим, холодным голосом, сказала Алек-

сандра.

– Да? Вот теперь и я по-настоящему удивлён.

Александра пожала плечами.

Катаев вспомнил «вечных капитанов», работавших под началом Андреевой – Купчика и Загина.

– Где твои архаровцы? Давно не пересекался с ними.

– Мои архаровцы отдыхают после героических дел – один в отпуске, другой в госпитале после ранения.

– Загин? Надо к нему заскочить, забросить апельсинчиков.

– Сделай доброе дело, – хмыкнула Александра. – У него жуткая аллергия на цитрусовые. Пусть почешется, как следует. Так вот, прихожу сегодня на планёрку, наш генерал Харченко, без объяснений, велел шпарить в командировку, в ваше оперативно-тактическое отделение. Спросила: «Зачем?». Говорит: генерал Туруханов объяснит. Ты в курсе?

– Нет.

– Странно. Ну, пойдём. А, может, ты темнишь? А? Жук!

– Какая мне корысть? И не какой я не жук! Я хороший!

– Что-то затевают наши «шишки». Вот здесь как-то неспокойно, – Александра показала на свою грудь. – Зябко как-то.

– Помассировать?

– Никита, прекрати! Это гадко!

– Погода такая.

– Это не погода такая, это ты такой!

На входе оба засветили удостоверения перед дежурным.

–Майор Андреева, майор Катаев, вас ждут в зале совещаний. Генерал Туруханов уже дважды спрашивал.

Катаев с Андреевой переглянулись – ещё интереснее.

Минуя широкий вестибюль, повернули в коридор направо, здесь же, на первом этаже. В просторном зале для совещаний, вокруг длинного овального стола, сидели задумчивые начальники – генерал Туруханов от оперативно-тактического отделения, ещё двое солидных, которых Александра и Катаев не знали, а также директор всей ФСБ и пузатый дядька из МИДа. Туруханов кивком велел сотрудникам присесть с краю.

–Вопрос чисто политический – надо забрать их и всё, – дядька из МИДа бросил авторучку на лист бумаги для заметок и удовлетворенно откинулся на спинку кожаного кресла. Для него вопрос был решённым. Кресло прогнулось, издав жалобный скрип.

–Вопрос: как? – мягко произнёс директор ФСБ, немного сутулясь и глядя в стол перед собой.

–Нужно сделать чисто. Мы заявим громогласно о своей решительности! – сказал дядька из МИДа. – Сами понимаете – никаких потерь!

Туруханов обернулся к Катаеву.

–Понял?

Катаев ничего не понял, но бодро кивнул головой.

Начальники как-то сразу, всем скопом, поднялись из кресел, и пошли вон из зала. Туруханов провожал. Катаеву и

Андреевой он взмахом руки велел сидеть на местах.

Вернувшись в зал, Туруханов хитро усмехнулся:

–Теперь с вами поговорим.

–Товарищ генерал, – открыл рот Катаев.

–Молчать, Катаев. Имей терпение. Слышал, что говорили – никаких потерь! – генерал уселся на своё место, сцепил руки в замок. – А дело затеялось большое. Слышали про Сомали? Информацию передали по «Новостям» только сейчас для чего? Ведь моряки в заложниках у бандитов не первый месяц томятся. Политика. Кое-кто начинает забывать о статусе России. А Россия, милые мои, несмотря на потери территорий, людских ресурсов, экономические передрыги, всё-таки, суперстрана. Мировая держава. И миру надо с этим смириться. Расслабиться и принять этот факт, как свершившийся. Понятно? Нужна быстрая, смелая операция по спасению российских граждан. Всё складывается, как нельзя кстати – наши оболдуи с «Обезьяны» томятся у боевиков Бабека, вроде, наши правы и жертвы обыкновенного бандитского произвола...

–А дипломатические каналы? – спросил Катаев.

–Дипломатия дипломатией, но нужна силовая акция. Как вспышка салюта в ночном небе, чтобы привлечь внимание. Малыми силами. Ты, Катаев, возьмешь отряд майора Князева. Андреева с ними уже работала.

Александра пару раз кашлянула, прочистив горло.

–Можно вопрос? Какова моя роль в экспедиции? Я – сле-

дователь-секретник.

–На этот раз вы откомандированы из Особого Специального Управления как эксперт. Ваша задача – дать полный отчет действий отряда спасения.

–Почему я должна этим заниматься?

–Не считаю нужным давать ответ.

–Я к тому говорю, что я следователь, и следователь специфический – занимаюсь «необычными» преступлениями и происшествиями на секретных военных и иных объектах. Управление секретных расследований. Я нахожу преступников, я выясняю причины, толкнувшие к преступлению. Какое я имею право оценивать работу специалистов совсем иной сферы – проведение силовых спецопераций?

–Вы уже участвовали в подобных операциях и не единожды.

–Я ловила преступников.

–На месте вам многое станет понятно, товарищ майор.

В буфете управления, купив по стакану сока и по бутерброду с красной рыбой, Катаев и Александра долго сидели, молча жуя и запивая, не обсуждая услышанное, делая выводы про себя – в уме. Александра негодовала – опять Африка. Это уже превращалось в скверную традицию: как командировка в Африку, так ОСУ выделяло «опытного» специалиста Андрееву. Катаев, вообще, не мог прийти в себя от полученного задания: забрасывают за границу, да ещё с таким дерзким требованием – провести военную операцию по выз-

волеию заложников.

Держись, Катаев!

«>>>>>>

Жара давила. Воздух плавился. Над раскаленной сухой саванной парили грифы. Где-то далеко тьякала гиена. Губы потрескались. Жажда, мучившая так долго, теперь отступила – не хотелось уже ничего – впасть бы в забытье и умереть.

Разве она знала, выходя замуж за Нельсона, что окажется не женой преуспевающего чернокожего ветеринара, с элитной квартирой в столице страны на берегу моря, а жалкой погонщицей тонкорогих коз. Да, да, она стала пасти коз, когда попала в эту дикую долбаную саванну. Там, во Владивостоке, Нельсон сорил деньгами, дарил цветы и фрукты, шептал картавые, с акцентом, любовные признания, рисовал перспективы, ожидающие на родине – его примут в ведущую ветеринарную клинику страны, он будет лечить собак и кошек состоятельных сомалийцев и вскоре будет владельцем шикарной квартиры на побережье. Его будут звать «господин доктор». И Лидка купилась. Голова шла кругом – она будет жить далеко-далеко, в жаркой Африке, а чёрный-чёрный губастый негр будет её мужем, и она родит ему чёрных детей. Или мулатов. Здорово!

Но действительность враз похоронила её надежды. Когда счастливая миссис Эйшен, преданно держа мужа за руку, со-

шла с автобуса у дикого дерева, тоска и смутная тревога стеснили её грудь. Но Нельсон просиял от радости – под диким деревом ютилась глинобитная, крытая соломой, хибара без входной двери и окон. Вокруг тлеющего костерка сидели обнаженные (в одних набедренных повязках) дикие люди. Там был пожилой брюхатый мужчина на тонких ножках, старуха с усохшей грудью, парень с копьём, молодая смешливая женщина, видимо, его жена, и с десятков подростков от десяти до пятнадцати лет – мальчиков и девочек.

Это была семья Нельсона. Пожилой мужик – его отец, старуха – его бабка. Мать Нельсона, пока он учился во Владивостоке, затоптал носорог.

Сначала Лидка не поверила – эта убогость и есть родные пенаты ее великолепного супруга? Это шутка?

Но нет, всё оказалось ужасной правдой. Увидев Нельсона, дикари возликовали и бросились обнимать его. Нельсон представил Лидку:

–Моя жена.

Её разглядывали, словно инопланетянку.

Первым опомнился отец – он наорал на семью, и те принялись за дело: в еле тлевшее кострище навалили сухих веток, и огонь запылал, несколько девчонок пригнали из-за колючих зарослей большое стадо коз (очень большое – голов пятьдесят), одну козу зарезали и стали жарить мясо.

Пока женщины готовили пищу, отец Нельсона похвалялся перед женой сына своим «богатством», уверяя Лидку, что

белая женщина принесёт их роду удачу. Лидке велели раздеться – надо соблюдать обычаи и принять участие в празднестве. Она выполнила повеление пожилого дикаря, чуть не плача. Она не дикарка, чтобы сидеть в набедренной повязке, с голыми грудями и есть не прожаренное жесткое мясо. Но Нельсон был рад, что вернулся домой. Он целовал Лидку в щеку и говорил, говорил, говорил с родными на чужом, незнакомом Лидке языке. Она жалась к мужу, чувствуя жадные взгляды его отца на своих грудях, и думала, что завтра, самое позднее – послезавтра, они уедут из этого дикого ада в город и заживут счастливо, как планировали.

Лидка ела мясо, подростки, с воплями и гиканьем, прыгали с копьями вокруг костра в её честь, а отец Нельсона, сидя рядом с Лидком на корточках, что-то говорил ей, и Лидке приходилось вежливо кивать головой, хотя она не знала, что говорил дикарь, а Нельсон не переводил.

Потом она увидела, что у дикаря вылез напрягшийся член из под повязки. Лидка в ужасе воззрилась на Нельсона. Слова мужа повергли её в шок:

–Иди с ним в хижину и утоли его желание.

–Нельсон, ты с ума сошел!

–Делай, что говорю! Здесь надо жить по законам и обычаям рода!

Ошалевшая, Лидка, словно в гипнотическом трансе, покорно вошла вслед за пожилым дикарём в глинобитную тёмную хижину, он сорвал с неё повязку и повалил на жесткую

подстилку из соломы. Ей было больно, страшно и обидно. А дикарь был неумолим. Он пользовал её долго, очень долго. Она видела в дверной проем, как сгустилась ночная тьма, высыпали звёзды на небе, огонь костра стал ярким. Всё семейство сидело вокруг очага, ело мясо, слушало рассказы Нельсона, а дикарь всё пыхтел над ней, не ведая усталости. И Лидка смирилась – она подумала, что если здесь так принято, что отец «шурует» невестку в первую брачную ночь, ей уже ничего не изменить.

Под конец отец Нельсона слез с Лидки и улегся с ней рядом, собираясь спать. Она хотела выйти к мужу, но грубый окрик заставил её остаться на месте. Так она и уснула.

Утром её разбудил не поцелуй Нельсона, а неумолимый член его отца.

Так медовый месяц с возлюбленным оказался заменен бесчисленными соитиями с пожилым дикарем. Нельсон все дни лежал под деревом и спал, иногда уходя на охоту. Лидка устроила ему истерику: где обещанная клиника и весёлая жизнь?

–Отец не отпускает в город. Будем жить здесь.

–Я выходила замуж за тебя, а не за твоего отца! Я не хочу так жить!

–Придётся!

Вне себя от бессильной злобы, Лидка пошла к отцу Нельсона, опустила на колени и, чтобы досадить Нельсону, ухватила рукой, в миг набухший, член дикаря и взяла его в

рот. Прежде её не принуждали к минуте, пусть же Нельсон увидит, раз он отдал её отцу, то и ласку ртом тот поймёт в первую очередь. Но пожилой дикарь заорал, бешено негодуя, оттолкнул Лидку. Его некрасивое лицо исказило злоба. Он чуть не ударил её.

Спокойный Нельсон пояснил:

– Никогда не бери в рот мужской член! Это запрещают наши боги! Лоно – для любви, рот – для приёма пищи!

Лидка, трясаясь бессильной злобой, крикнула:

– Мне ваши боги не указ! Бойтесь их сами. А я .... Вашу мать, гражданка России и не позволю себя унижать! Дикари хреновы!

Но её бунт ничего не изменил – Нельсон по-прежнему не жил с ней плотской жизнью, переложив на плечи отца эту тяжелую обязанность.

Через месяц у Лидки случилась задержка месячных – она поняла, что беременна. Всё семейство сразу выявило её тайну. Больше отец не пользовал её в хижине, он говорил ей добрые слова, но спал теперь с женой младшего сына. Лидке показалось это очень странным – где это видано, чтобы отец брал на себя самую важную семейную обязанность сыновей? И ещё было неуютно спать на голой земле, под открытым небом.

На вторую ночь Нельсон попытался приласкаться к жене – Лидка пнула его в пах.

– Не смей касаться меня! Ничтожество!

Нельсон был жалок. Он всю ночь сидел подле Лидки и говорил, что его отец настоящий тиран и что он в полной его воле. Их малочисленный народ живёт ещё на племенном уровне, и государство считается с этим.

Нельсон рассказал, что однажды, когда у отца было хорошее настроение, он разрешил, чтобы Нельсона отправили учиться на ветеринара – учебу в России оплатило государство (тогда ещё в Сомали был порядок и демократическая власть). Нельсон долго отсутствовал, не оказывал помощь семье, поэтому отец удержал их, чтобы вдоволь натешиться Лидкой.

– Пошел ты! – фыркнула Лидка.

Чмо дикое. Его жену отец месяц барабанил, оплодотворил, а он нюнит, ждёт чего-то. Захочет пожилой козёл – разрешит им уехать в Могадишо, а не захочет – будут всю жизнь прозябать в саванне, подле вонючих коз.

Оказалось, брат Нельсона, Згуга, тоже ждал разрешения отца уехать в Могадишо, но старик держал его с женой подле себя третий год и у них уже был ребенок, но он умер от антисанитарии.

Лидка заплакала – какая она дура, что приехала сюда. Говорил ей отец: не лезь ты в эту Африку, тем более в Сомали. А оказалось всё гораздо гаже – полная дикость, ни письма послать, ни тем более позвонить. Автобус заезжал раз в месяц. Были бы деньги, пешком ушла, добралась до Могадишо, а там... что там? Дура.

Отец Нельсона велел Лидке работать – медовый месяц кончился. Она рано утром уходила с десятком коз подальше от дома и пасла их до темна. Так работала вся семья – женщины и подростки, а отец Нельсона, Згуга и сам Нельсон спали весь знойный день в тени дерева или уходили охотиться на грызунов и ящериц.

На третьем месяце, когда у Лидки обозначился животик, случилось ещё более ужасное – она пасла коз и повстречала двух дикарей с копьями. Они были худые, пузатые и высокие, выше её. Они долго, опешив, наблюдали за Лидкой – белая женщина, в набедренной повязке и с голой грудью, пасёт коз! Дикари кинулись на Лидку. Она отбивалась, она плакала, она говорила, что беременна, она звала на помощь и орала благим матом, но её загнули через поваленное дерево и стали насиловать.

Мальчик Ткага, десятилетний брат Нельсона, периодически прибегавший к Лидке проверить, не растеряла ли она коз, увидев происходящее, щебеча и махая руками, убежал к хижине. Когда, через полчаса, появились отец Нельсона, Згуга и сам Нельсон, насильники, что-то выкрикивая им, припустили бежать. Нельсон и Згуга бросились в погоню, а отец, вместо помощи, вдруг обрушил на Лидку удары своей сучковатой палки. Они решили, что Лидка отдалась чужакам сама.

–За что? За что? Меня изнасиловали!

Но Лидку не слушали. Вернувшись ни с чем, Нельсон и

Згуга присоединились к отцу – Лидку били ногами, топтали, плевались, таскали за волосы, пинали во влагалище.

На семейном совете, состоявшемся вечером, Лидку решили выкинуть в саванну на смерть. Она лежала на земле, среди коз, избитая, униженная и плакала. Она вспоминала мать и отца. Она не хотела умирать, умирать ни за что, умирать по прихоти судьбы.

Теперь она сидела, связанная по рукам и ногам, под палящим солнцем и пыталась забыться. Жажда ушла давно. Где-то там, за кустами, сидели её мучители – Згуга и муж Нельсон, охраняли от диких зверей. Он и не Нельсон вовсе оказался, а Бекнга – имя Нельсон ему вписали в паспорт в Могадिशо, когда отправляли на учебу в Россию. Почему африканские страны обожают обучать своих олухов в России?

Где-то жужжала муха. Злая, противная муха. И её жужжание становилось всё громче и громче. Видимо, это уже бред. Из облака пыли вынырнул защитного цвета бронетранспортёр и на его броне красовался трехцветный флаг. Полоса белая, полоса синяя, полоса красная. Галлюцинация. Это подсознательная мечта – приедут даже на край света и спасут. Ага, наши приедут, жди!

Лидка мотнула головой, отгоняя видение – привиделось же, посреди Африки российский бронетранспортёр!

Белокожий солдат в российской форме несколько секунд с недоумением смотрел на Лидку, потом вымолвил по-русски, указывая на неё:

–Вот она! Сообщи, мы нашли её!

«»»»»»»

Эскадренный миноносец «Настойчивый», а следом вертолётносец «Дерзкий» плюс плавбаза «Астрахань», вошли на рейд порта Могадिशо в пятнадцать часов по местному времени; стоял самый зной – пятьдесят пять градусов на солнце, тридцать шесть по Цельсию в тени. На горизонте маячили американские корабли наблюдения «Гуттентот» и «Оклахома».

Недалеко от акватории порта прошёл египетский вертолётносец «Зулус», тоже пристально наблюдавший за российскими военными кораблями.

Две российские АПЛ успели уже «поиграть» в «прятки-догонялки» с американскими «коллегами», двумя АПЛ «Торнадо», оснащёнными крылатыми ракетами близкого радиуса действия.

–Тесно здесь от друзей из НАТО, – заметил командир «Дерзкого»...

Александра, отирая липкий пот, проклинала судьбу. Мало того, что в Москве натыкали в задницу уколов от всевозможной африканской заразы, так что от болючих шишек сидеть было не возможно, так ещё доставили к месту «спектакля» с приключениями – самолётом привезли к курсировавшей в зоне Мадагаскара группе военных кораблей. Групп-

па состояла из вертолётоносца «Дерзкого», двух крейсеров и двух ударных миноносцев, не считая танкера и плавбаз. На парашютах сбросили экспедицию в море. Их подобрали на борт, и «Дерзкий», в сопровождении миноносца «Настойчивого», сразу взял курс на Могадишо. Плавбаза замыкала шествие российских кораблей.

Высадку десантной группы решили провести немедленно по прибытии в акваторию порта.

На специальных ботах к берегу отправили два бронетранспортёра с командой поиска, всего двадцать пять человек. В первом был Катаев, во втором – майор Андреева. Все были одеты в форму морской пехоты, предназначенной для операций в южных зонах – палевые камуфляжи, головные уборы на выбор – песочного цвета панамы или кепи, очень напоминающие бейсболки.

Перед высадкой территорию порта облетели шесть российских боевых вертолетов.

Больше всего опасались, как бы боевики Бабека, без лишних расспросов, не расшуровали вертолёты из мобильных ракетных комплексов. Но бог миловал. Было тихо, жарко и душно. Бриз с моря нисколько не освежал, воздуха в легких не хватало.

Боты затихли на мели. Из вскрывшегося зева прямо в воду выкатились два бронетранспортёра. Через минуту бронетранспортёры уже были на берегу, резво поднявшись по отлогому склону к асфальтовой площадке, оттуда, по, зара-

нее отработанному маршруту, покатали к зданию портового управления.

План был прост до отвращения – окружить здание, поймать Бабека и заставить его отказаться от блокады «Обезьяны». Он и так хорошо поживился – выгреб из корабельной кассы массу оборотной наличности.

Что Бабек находился в здании портового управления, по сотовому телефону сообщил информатор – даже в этой дыре, среди диких африканцев, ФСБ имела своих информаторов и завербованных агентов.

Непредвиденное началось сразу – не доезжая до здания, бронетранспортёры наткнулись на противотанковые ежи из сваренных рельсов. Из-за ржавого металлического ангара вынеслись восемь армейских джипов, переполненных боевиками Бабека. Сам Бабек, в фуражке, как у Фиделя Кастро, сидел за рулем одного из джипов. Все боевики были вооружены сверх меры: винтовки М-16, автоматы АКМ, гранатомёты РПГ, ручные пулемёты, даже сабли. Катаев, оценив ситуацию, понял, что лучше вступить в переговоры. Он открыл люк и вышел наружу. Андреева и ещё два спецназовца тоже вылезли из второго бронетранспортёра.

Бабек, раскурив сигару, выпрыгнул из джипа и, весело скаля зубы, пошёл навстречу. Его боевики с напряжением ждали дальнейшего.

–Хэлло! – выкрикнул приветствие Бабек с хриплым смехом, очень напомнив знаменитого киношного грузина Ми-

мино. Он и внешне чем-то походил на него.

–Здравствуйте! – скромно отозвался Катаев, сразу оставившись.

–О! Белая леди и красивая! – на чистом русском языке заявил Бабек и протянул Катаеву руку для пожатия.

Удивленный Катаев пожал её – что Бабек говорит по-русски, его не предупредили.

–Здравствуйте, – подошла к ним Александра, тоже протягивая руку для пожатия. – Вы Бабек?

Бандит с показным сладострастием сжал маленькую лапку «Белой леди», источая своей улыбкой весь елей, на который был способен.

–Меня все так зовут... Эль Кадиф. Учился в Воронежском военном училище. Теперь – лидер нашей революции. Как ваш Ленин!

–Ого! В Сомали революция? – сделала удивленное лицо Александра.

В отличие от Катаева, она обрадовалась, что с лидером бандитов наметился контакт – появилась надежда решить проблему с заложниками путем переговоров. Если убедить Кадифа, что он мировой парень, друган и душка, то он (чем черт не шутит!), вдруг, смилостивится, и «Обезьяна» покинет порт.

Бабек-Мимино кипел хриплым весельем:

–Революция? Ё-ё-ё-ё. Ну, мы это так называем! Итак, это ваша спецгруппа? – Бабек потешался. – Сколько вас? Трид-

цать? Двадцать восемь?

Александра решила быть честной.

– Двадцать пять человек, два бронетранспортёра.

– Назвать численность моих воинов? – спесиво спросил Бабек.

Александра решила не злить негодяя, отозвалась просто:

– О-о, не стоит! Для нас это не имеет значения.

Почему-то Бабек сразу потемнел, убрав весёлость. Что он понял для себя в этом ответе, сразу стало понятно Никите. Он внутренне напрягся, сжался в пружину, готовый ко всему.

Бабек заговорил, нервное напряжение пробивалось в хрипе голоса:

– Американцев было два батальона. Слышали, что я сделал с ними?

– Это не агрессия, мистер Кадиф, – Александра улыбнулась, как можно мягче. Она уже знала, что она преуспеет в этом деле, потому что злодей вступил в переговоры.

Катаеву не нравилось, что Андреева «стелется» перед наглым бандитом. Он мог резким выпадом обезоружить Бабек, зажать локтем его горло и, приставив пистолет к виску, потребовать, чтобы он перестал кривляться, и велел своим макакам освободить моряков.

Бабек сделал затяжку, напрягая толстые губы, пыхнул едким дымом, красиво стряхнул пепел с сигары.

– Не агрессия? Дайте подумать... А-а, вы приехали спасти

свою соотечественницу.

–Соотечественницу?

Катаев и Андреева переглянулись.

–Да, её уличил в неверности муж. Она живет в роду Ожухо под диким деревом. Её приговорили к смерти.

–Вы уверены, что она русская?

–Конечно, русская. У нее российский паспорт. Я сам видел, когда проверял их по приезде.

Александра выразительно посмотрела на Катаева. Тот молчал. Она снова обратилась к Бабеку:

–Мистер Каdif, вы говорили о казни.

–Да, её морят голодом и жарят на солнце посреди саванны.

–Это законно?

–Какие законы у дикарей? Всё старик Опака. Он угнетает сыновей и живет с невестками. Поговаривают, ваша соотечественница хотела сделать ему минет.

–Фу-у, что вы говорите!

–Кхе-кхе-кхе. Да, это так. А у них – у дикарей, сосать мужской член величайший грех. Опака решил отомстить невестке – подослал к ней двух негодяев из соседнего рода – они изнасиловали её, а он – Опака, обвинил её в прелюбодеянии. Теперь её ждет смерть!

–Душещипательная история, – сурово произнёс Катаев. – Всё это правда?

–Если бы это было не правдой, ваши два бронетранспортера мы бы уже сожгли, потому что, если вы приехали не за

несчастной женщиной, то прибыли за тем же, зачем американцы – наводить свой порядок. А нам чужие порядки не нужны.

–Разве у вас порядок в стране?

–Согласен, порядка мало. Даже беспорядок. Но это наш беспорядок и мы разберёмся в нём сами.

Катаев пожал плечом.

Александра спросила:

–Это далеко – дикое дерево?

–Километров сорок от города.

–Вы дадите провожатых?

–Я могу сам проводить вас. Эй! – Бабек оглянулся на своих, что-то прокричал, и два джипа остались, а остальные шесть умчались восвояси.

Александра тронула Катаева за руку.

–Никита, придётся съездить. Там наша гражданка и она в беде.

–А если это трюк? Если Бабек желает и нас захватить в заложники? Опозоримся на весь мир! Сами сдались.

–Заложницей быть я не собираюсь, – сказала Александра.

–Что так? – усмехнулся Катаев.

–Вас, мужчин, могут бить и оскорблять, а я женщина и познать бурный секс с толпой африканцев желания не имею. Свяжемся с вертолётами, пусть нас прикрывают.

–Вертолёты ... плохая идея, – возвращался к ним Бабек от своих людей. –Я-то, пока к вам лоялен, но мой сектор влия-

ния в городе не так велик, а у президентской гвардии, что на уме, сам чёрт не разберёт – собьют. Итак, по машинам! Мы поедem вперёд, вы – следом!

Катаев подумал, что сейчас скрутить Бабека самый подходящий момент – осталось всего два джипа, а, как только он схватит главаря бандитов, парни из бронетранспортёров расшуруют джипы из крупнокалиберных пулемётов в пять секунд.

Бабек, словно вспомнив, покачал пальцем, обращаясь к Катаеву:

–И, если вы хотите схватить меня, не думаю, что это хорошая идея, – он указал вдаль.

Катаев посмотрел вверх – на стальной вышке притаился снайпер.

–Там очень опытный стрелок. Резкое движение в мою сторону, и ваша голова лопнет, как глиняный горшок.

–Не думайте плохо о нас, мистер Каdif, – поспешила заговорить Александра. Ей показалось, что сейчас настал критический момент – одна ошибка, и хрупкий контакт будет утерян. – Мы вам доверяем. Нам приятно, что вы решили помогать нам.

–Я учился в России. Тогда это был СССР.

–Мистер Каdif, можно я поеду с вами?

–Вы не боитесь меня? – Бабек белозубо заулыбался.

Александра сделала хитрый ход:

–Вы джентльмен и не обидите леди.

–О! Кхе-кхе. Для меня будет большой честью. Как вас зовут?

–Александра. Саша.

–А вас как зовут? – спросил Бабек у Катаева.

–Никита.

–Отлично. Теперь мы знакомы и, убивать друг друга, нам будет сложнее. Гы-гы-гы. Шутка! ... Что ж, Саша, пойдёмте, мои люди потеснятся. Эй!

Бабек заорал на своих. Несколько человек из джипа, где не было водителя, выпрыгнули на землю, освобождая кресло рядом с водительским. Александра, подмигнув Катаеву, пошла вслед за главарем бандитов.

–Идиотка, – прошипел Катаев.

Оказавшись на своём месте в бронетранспортёре, Катаев связался с кораблём и попросил всё же пустить вертолёт, предупредив, что вертолёт этот могут сбить. С корабля сообщили, что вокруг «арестованной» «Обезьяны» сделаны контрольные облёты – на борту видели наших моряков и их чернокожую охрану. Моряки махали руками.

Катаев подумал, что если план с Бабеком не удастся, можно будет попробовать высадить с вертолётов десант прямо на «Обезьяну» и, удалив бандитов, под прикрытием «Дерзкого», увести сухогруз с акватории порта. Однако такой план грозил жертвами и среди моряков, и среди спецназовцев, и среди боевиков. Хоть они и сволочи (боевики), но тоже люди

– у них семьи, дети. Было бы здорово освободить «Обезьяну» вчистую, без смертей.

Джипы боевиков, объезжая противотанковые ежи, преградившие путь внутрь портовой зоны, пронесли мимо разворачивающихся бронетранспортёров, и помчались в город. Бронетранспортёры, набирая скорость, старались не потерять из виду провожатых.

И зачем Александра полезла в джип к Бабеку? Катаев негодовал. Добровольная заложница. Что на уме у бандита? Бабек славился своим дурным нравом. Сумасбродства в нём хоть отбавляй. Приставят ей ствол к затылку, и что тогда делать? Велят освободить «броники», снять форму, сложить оружие и нагишом двигать на «Обезьяну» на пополнение к захваченным морякам. И двинешь. Да, непрофессионально. Позёрство с её стороны. Героиня. Даже не посоветовалась с ним. Катаев злился на Александру всё больше.

Кортеж двигался по городским улицам. Это был ещё сектор влияния Бабека, и он чувствовал себя вольготно.

Грохоча, очень низко, пролетел вертолёт морской разведки и умчался далеко вперед.

Бабек, нахмурившись, дёрнул головой, сказал Александре:

–Зря вертолёт пустили.

–Я не причастна к этому.

–Ваш друг очень недоверчив.

–Никита? Скорее, он тоже не причем. На корабле за нас

беспокоятся.

Бабек заулыбался, обнажая белые зубы.

–Всё равно он недоверчив и боязлив.

–Осторожен.

–Осторожные ребята могут наделать глупостей с перепугу. Начнут стрелять, например. Тогда я вас убью, Саша. Или нет... Я вас обмажу выделениями самки шимпанзе, свяжу и брошу в клетку к самцам шимпанзе. Они вас порвут.

–Не пугайте меня, во-первых. Во-вторых, прекратите говорить гадости. Все же я женщина.

–Кхе-кхе-кхе. Хорошо. Пока вы ведёте себя хорошо, вы под моей защитой. Никто не сделает вам зла, если Бабек ваш друг.

–Вы говорили, президентская гвардия не церемонится с чужаками.

–Президентская гвардия... Придёт время, я заберу под свою руку весь Могатишо и президентская гвардия станет революционной гвардией Бабека!

–Вы говорите о революции, но где она, в чём она? Вы и подобные вам полевые командиры рвут страну на части.

–Чтобы в стране был порядок, в ней должен быть один лидер. Им стану я. За Бабеком идут люди, Бабеку верят. Вот в чём моя революция!

–У любой революции должны быть лозунги, идея, увлекающая массы, – Александра смотрела на весёлого, жизнерадостного мужчину, небритого, в мокром от пота камуфля-

же, и поражалась всё больше. По той информации, которую предоставили в управлении ФСБ, он был подлец, деспот, изверг, жадина, хам, дикое животное, а здесь – обыкновенный образованный человек с легкими замашками провинциального владыки.

–Идея?! – весело кричал Бабек, прибавляя газу – джип обогнал переполненный, без стекол в оконных проёмах, автобус.

Местные жители с негодованием смотрели на кортеж. Александра обалдевала – разве можно так ездить? Даже на крыше нет мест! Для Бабека такое было привычным делом. Он просто прибавил газу, обходя общественный транспорт... Он торопился изложить Александре свои мысли. Видимо, заинтересованных слушателей, среди его последователей, было не много. Он громогласно вещал:

–Я идея! Я лозунг! Я флаг! Бабек, и всё! Или ты за Бабека, или Бабек против тебя!

–Все говорят – вы с президентом друзья, – «подколола» его Александра.

В ответ Бабек цинично рассмеялся.

–Мы оба политики!

–В вашей стране слишком много политиков.

–Таковы реалии.

Александра подумала, что в досье Бабека забыли вписать одну, очень важную, отрицательную черту – цинизм. Захватил российских моряков и цинично разыгрывает неведение

– везёт к какой-то гражданке, обижаемой дикарями, а между делом грозитя отдать её, Александру, на растерзание самцам шимпанзе. Самого отдать этим самцам, пусть терзают в порыве страсти.

Над ними снова пронёсся морской вертолёт. Действительно, зря они пустили в сопровождение вертолёт – только бандитов злят. Это, поди, Никита. Что толку с вертолёта? Бабахнут ракетой, и нет его, а журналисты шум поднимут на весь мир – операция русских провалилась, сотни погибших, сбиты несколько вертолётов (покажут останки вот этого динозавра восьмидесятого года выпуска).

Вертолёт снова прошёл над головами, зловеще рокоча, и взял курс на море...

Александра решила, что, как выпадет возможность, выскажет Катаеву всё, что думает о его предосторожностях...

СТРАННЫЕ ИСТОРИИ

«»»»»»»

При великом Сталине, стоявшем у руля коммунистической партии, всецело руководившей жизнью на огромном земном пространстве, гордо именуемом в то время Советский Союз, или коротко – СССР, жить было нелегко... Нелегко и не просто...

Алексей Балаян, обладая определённой харизмой, смыш-

леностью и пытливым умом, при Сталине преуспел. И преуспел основательно!

Имея от роду пятьдесят с хвостиком лет, он обладал огромной, дружной семьёй в Ереване, а также, что было самым главным – имел прочную, научную практику в российском городе Новороссийске. Южное отделение Академии наук... Куда уж круче, в то славное время, когда учёные получали от партии огромные преференции.

Российский город или не российский, тогда не имело большого значения, ибо все города были общими – советскими... Так вот, совсем «заматерев», Алексей Балаян завёл юную любовницу в этом портовом, милом городе – Дашу Данилову. Русскую!

Всё бы ничего (поигрался бы сытый дяденька, да и бросил «сломанный цветочек»), но «наивная девочка» вцепилась в плотно сбитого, могучего, словно самец гориллы, заросшего шерстью от шеи до пяток, армянина своими бледными, тонкими лапками крепкой хваткой. Рыбаки поймут: так окуни и ерши хватают червя с крючком – сразу в желудок. Намертво. Взял, и всё!

Это «всё» было рождением ребёнка в 1952-м году. Абсолютно русского – белокожего, русоволосого, сероглазого, с подкупающей, милой улыбкой.

Балаян, взглянув на личико малыша, пропел ошалело и счастливо:

–Мой! Мой сын! Совсем, как я!

Персонал роддома был в шоке, но Алексей говорил правду – он родился таким же белокожим «пупсиком» (детские фотографии тому доказательство), а потом, с годами, потемнел и зарос.

Алексей светился счастьем! Вот он какой крутой мужчина – сын, в его годы! Прекраснейший сынуля получился! Ого-го! Как ещё передать счастье! Подшофе говорить встречным– поперечным: « Дорогой, у меня сын родился! Пей давай! Пей за моего сына, чтобы счастье ему было в жизни! Я счастливейший человек! Сын у меня! Понимаешь? Сы-ы-ын!!!».

«Старый дурак! Совсем с ума сошёл!», – решили в Ереване, ибо, неизвестно как, но оказались в курсе событий.

Сына назвали Иван.

Фамилию свою Алексей Балаян дать не мог – КПСС и Академия Наук зорко следили за моральным обликом своих «членов». Потому, Иван стал Иваном Алексеевичем Даниловым – по фамилии матери. В свидетельстве о рождении, в графе «отец» был указан мифический Алексей Алексеевич Данилов.

Алексей Балаян честно признался семье, которая всё знала давным-давно – есть сын на стороне, сына надо принять и полюбить – он одной крови...

Но жена (что естественно) и многочисленные родственники (что случается), отвергли идею Алексея. Основная семья его бастарда не признала... У него же есть законный сын Ар-

мен, которому только пять лет исполнилось, его ещё поднимать надо, жена у него молодая, она ещё родит, а он вон что удумал – завёл вторую семью! Стыд-то какой!

Нет, и всё!

И жизнь пошла дальше... Через два года родилась дочь Зара.

Алексей успевал жить на два дома, мучаясь и страдая...

Стал расти Иван Данилов, не особенно переживая. Мама кормила, мама любила, мама ухаживала и развлекала. Пожилой отец, наведываясь от случая к случаю, радостно тискал в своих сильных руках, и поднимал высоко-высоко.

–Иван, ты достигнешь вершин, которые твоему отцу и не снятся! Сынок мой родной! Сынок!

На диване Иван вытворял перед отцом радостные прыжки, хохоча во всё горло!

Отец подхватывал счастливый хохот:

–Какой ты живец!

Иван, прыгая от души, орал:

–Папа, я жилец! Жилец!

–Живец, дурень!

–Да, жилец! Жиле-е-ец! Па-а-а-па!!! ...

Иван Данилов не знал точно, как всё происходило впоследствии. Вся его информация опиралась на рассказы матери. А ей он верил безоговорочно...

Кто же был его отец, он так и не узнал – мать не захотела рассказать всю подноготную. Был отец и умер. Умер через три года после рождения Ивана. Он очень любил сына. И всё. И смутные воспоминания Ивана, очень смутные, многие даже выдуманные им.

Он рос быстро и зло, словно сорняк на хлебном поле, и знал, и верил, что во всех его несчастьях сурового, бедного жителя сына матери-одиночки, была виновата какая-то страшная тайна, связанная с отцом. Но какая?

Армен Балаян (Ара), официальный сын Алексея Балаяна, узнав о сводном брате в свои нетерпимые ко всему пятнадцать лет, вскипел лютой злобой на давно умершего отца (Предал, сволочь! Породил зверёныша от другой женщины, не от матери!), и возненавидел волчонка, жившего в далеком Новороссийске... Решил тогда просто: «Убью!».

Но не случилось...

Сначала был слишком мал для такого серьёзного дела, как кровная месть, а после боль в душе поостыла, села грязным илом куда-то в глубину, в чёрное бездонье, куда самому заглянуть – ужас смертельный!

Села и там осталась... Как программа, которая включается автоматически, при благоприятном стечении обстоятельств...

И пошли годы.

–А папа у меня армянин!

–Армянин! Правда! Ещё какой армянин, Ивашка! Какой же он был замечательный армянин! – Даша смеялась над своим великовозрастным, под два метра роста, белобрысым балбесом.

–Тогда, я тоже армянин?

–Сына, ты кем решил быть? Кем решил, тот ты и есть. Так у всех принято. У всех!

–У евреев – мать еврейка, и всё, ты сам не решаешь – её дети евреи! Полнейшая дискриминация личности!

Даша рассмеялась.

–Ты что, себе еврейку в жены присмотрел, а обманываешь, что она армянка? Дурачок! Женись на той, которую полюбил. Я с удовольствием буду нянчить Мойш и Аврамчиков!

–Мама! Ты всё время шутишь! Я же не смеюсь! – кипел негодованием Иван. – Полюбил бы еврейку, разве меня бы остановило что-нибудь!

Даша потупила взгляд – весь в отца, горячий и нервный. Ответила очень серьёзно:

–В моих словах не было фарисейства!

–Мама, у меня будущая супруга чистокровная армянка, я – полукровка армянский...

Даша сразу напряглась, похолодела, убрала улыбку, сжала кулак непроизвольно.

–Прекрати, Иван. Ни к чему это ковыряние. Женись, и

будь счастлив! Расскажи лучше, кто она, сколько лет, как звать твою избранницу...

–Мама, она младше меня на два года, а об остальном – потом. Вот приведу её в дом, вы познакомитесь, надеюсь, подружитесь, и всё у нас будет хорошо!

Даша чуть не расплакалась – её сын уже самостоятельный мужчина! Какое это счастье для матери!

«»»»»

Ара узнал о беременности младшей сестры слишком поздно, когда оборвать процесс созревания плода было уже не реально.

Примчавшись из Еревана в Новороссийск, орал на сестру, сатанея от бессилия что-либо изменить:

–Я убью этого суку! Кто он? Кто этот урод? Как зовут гада?!

Сестра, красная от стыда, глядя в пол, прошептала:

–Иван.

–Я убью этого Ивана! Понятно тебе?! Убью! – бился в истерике Ара, брызгая слюной и грозя самому себе сжатыми до боли кулаками.

Его дура-сестра спуталась с русским мужиком, каким-то Иваном! Разве он, крутой Ара из Еревана, спустит такое? Никогда! Что скажут теперь о нём друзья? Какое мнение сложится обо всей семье великого академика Алексея Балаяна в

Армении?! Подумать страшно! Будь этот Иван хоть сто крат великим и важным здесь, на юге России, Ара достанет его, скажет всё, что требуется сказать в таких случаях, и убьёт ножом – вырежет печень!

–Фамилия!

–Что? – затравленно жалась в угол дивана сестра.

–Фамилия твоего гада!

–Данилов.

–Иван Данилов?

–Иван Данилов.

–Отчество?

–Отчество Алексеевич. Говорил, у него папа армянин...

Был.

Ара задохнулся, ощутив искру догадки в воспалённом мозгу: «Неужели?».

–Сколько ему лет?

–Он на два года старше меня... Ара, ты чего так бесишься? Он хороший парень! Мы любим... Ты чего так злишься? Мы поженимся! У нас всё ровно, всё, как положено! Я скоро познакомлюсь с его мамой...

–Заткнись, дура!!! – завизжал в ответ Армен, истекая потом. – Ты ничего не знаешь! Его маму Даша зовут? Говори!!!

–Ты откуда знаешь?

Младшая сестра не была посвящена в тайную эпопею отца, связанную с рождением бастарда Ивана Данилова.

Поняв всё, Ара хотел теперь убить и сестру. Такое свято-

татство – спуталась с единокровным родственником. Заорал, сатанея:

–В Ереван! Немедленно-о-о!!! Сейчас же! Сразу! За такую любовь убивают, гадина ты эдакая!

Бессильная злоба распирала грудь Армена – судьба, словно продолжая надсмехаться над их семьей, свела вместе ба-старда и младшую сестру, и выродка было уже не уничтожить – все сроки прошли для аборта.

–Ара, почему-у?! Я же люблю-у его! Он меня любит! Он почти армянин! В чём дело-о? – рыдала сестра, не вытирая слёз. Она не понимала, почему так гневался и сатанел брат, даже не увидев её избранника. А Иван – он самый лучший в мире мужчина! И их сынок всем понравится, будет таким изумительным русским армянчиком! Они все, там, в Ереване, сразу полюбят его, только увидят...

–Зара, я убью тебя, – сказал Армен устало, но жёстко. – Не смей так разговаривать со мной! Я твой старший брат!

–Ара!

–Заткнись!

У Зары спина похолодела от ледяного взгляда старшего брата – он был невменяем, ярость поработила его мозг. Почему? Это для неё осталось загадкой на всю жизнь. Через три часа они уехали на междугороднем автобусе в столицу Армянской Советской Социалистической Республики, славный город Ереван.

А в положенное время родился мальчик. Совершенно

черноволосый армянчик, никакой не русский. Дали ему имя Карен...

«»»»»

И шли годы... Нет, уже не шли – летели!

Огромная страна СССР, преодолев старческий застой Брежнева, Черненко и Андропова, яростно и быстро отбушевала голодным желанием перемен к показательному телевизионному западному клондайку, обещанному Михаилом Горбачёвым, а после рассыпалась карточным домиком, после удара кулака по разгульному столу, вечно пьяного Ельцина. Пошёл беспредел девяностых. Лихих. Кровавых.

Тогда-то Иван Алексеевич Данилов и понял, что только сила в незаконное время приведёт его к личному финансовому процветанию. А где финансовое процветание, там и комфортное счастье – в эту формулу Иван поверил сразу, безоговорочно. А так как человек он был морально сильный (дух закалился в тяжёлое, обидное детство), он создал такую мощную мафиозную структуру в Краснодарском крае, что получил почётное звание «дон», наподобие, итальянских бандитских владык, чем очень гордился.

Спрут Данилова мог стать монополистом на юге России, да не тут – то было – другая мощная группировка осадил притязания русского «дона», и группировка эта тоже была новороссийской. А правил этой этнической организацией

(там были все выходцы из Армении: и армяне, и русские, и евреи с грузинами), такой же страшный и суровый мужчина, как «дон» Данилов, Ара Балаян. Он ни в чём не уступал Ивану Данилову, разве что в росте – Ара Балаян значительно уступал в высоте. Зато Ара превосходил Ивана массой тела, особенно в области живота – объём этого органа разрастался так быстро, что «соратники» посмеивались : «Армен спереди пивной бачок подцепил!».

И сделать этому «конкуренту» Иван ничего не мог...

«»»»»»

И годы сменялись цветным калейдоскопом. И все эти годы два брата скрежетали зубами от ярости друг к другу, ни разу не соприкасаясь лично. Ни разу не увидели друг друга, ни разу не посмотрели друг другу в глаза, не сказали пары слов, даже самых отвратительных. Но Новороссийск «отдыхал» – негласный бандитский мир соблюдался неукоснительно.

Милицейские чины получали ордена и медали, радуясь, что всё так хорошо в регионе, и лезть в «странный мир бандюганов» не пытались принципиально, ибо знали, что любопытных там ждёт одно – смерть...

Иван Данилов на деятельность Ары в Краснодарском крае смотрел сквозь пальцы – тот упорно соблюдал дистанцию, за которой мог возникнуть конфликт. А Иван к войне с «армя-

нами» не стремился, других дел хватало с лихвой. Не хотел он никаких разборок. Пыхтит, надувается спесью и денежной массой – бог с ним! Ивану он пока не мешал...

Когда в Новороссийске появился ещё один родственник Ары, некий Карен Балаян, Ивану было даже лень проверять на вшивость нового недоросля из Еревана – приехал и приехал. Уродом больше, уродом меньше! Сказали, что приехал с матерью. Короче, маменькин сынок.

–Больше об ублюдке мне не напоминать, – Иван отмахнулся и забыл...

Армен Балаян, обняв переехавшего родственника, долго и внимательно рассматривал (что в нём от Данилова?), чем заметно смутил молодого человека.

–Племянник! Карен! Кровь Балаянов! Наша! Наша кровь! Ты мне как сын!

Но мать запретила Карену идти на поводу у могущественного дяди, а с братом разругалась «по самое не хочу»!

«Ничего», – улыбался про себя Ара. – «Придёт время, и щенок будет есть у меня с ладони. Я найду ему смазливую суку, которая сделает ублюдка моей послушной марионеткой! И тогда, Ваня, ты заскулишь раненной собакой, когда узнаешь, кто тебе нанёс смертельный удар! Родной сын! Карен!»...

Однажды в семье Камневых, потомственных москвичей, людей ничем

не выдающихся, но гордящихся своими природными, столичными корнями, родился мальчик. Ему дали имя Антон. Антон Камнев.

А потом, через два года, появился на свет второй мальчик. Саша.

Только отец, признав второго ребёнка официально, не признал фактически.

–Подгуляла, сука! – эти крики разгневанного изменой жены, подвыпившего супруга, раздавались в квартире Камневых много лет подряд.

Саша рос изгоем.

Вся любовь и внимание отдавались старшему брату. А Сашу даже мать стала тихо ненавидеть, хотя, реально изменив супругу в санатории у моря, не была уверена, что ребёнок чужой (от другого самца). Она знала, сердцем, душой, своим организмом, на уровне подсознания – муж зря Сашу изводит, его это кровь – такой же белобрысый тихоня, плакса и трус. А вот Армен, разбалованный сын академика из Новороссийска, вот тот был самцом во всех положительных смыслах этого звания. Любил, так любил – по полной – ни денег, ни спермы не жалел!

И сердце сладко замирало от воспоминаний, и тут же черствело, когда взгляд встречал «ЭТО». Родила она сына от

того сильного человека, она бы паренька на руках носила. Мужа бы бросила, ради того, чтобы вырастить настоящего мужчину! А тут забитый, вечно испуганный, сутулый трус. Тварь. Про первого сына Антона в эти минуты даже не вспоминалось – ненависть к младшему переполняла рассудок.

– Пошёл отсюда, ублюдок! – вся злость, которая копилась в душе, выплескивалась в оскорблении маленького мальчика, не знавшего, в чём же его вина.

Почему брата любят, а его презирают?! Он пытался быть хорошим и примерным, заискивал и улыбался, пытался быть потешным, но ничего не действовало на родителей.

Сашка сто раз хотел утопиться, порезать вены в ванной, как видел в художественных фильмах по телевизору, но он и правда оказался трусом. Ему было так страшно причинить себе хоть мизерную физическую боль, что он вытерпел – он вырос, и ушёл из семьи навсегда. Навеки...

Антон, отслужив в армии, поступил в институт КГБ, после выпуска став сотрудником ФСБ (тогда комитет был переименован в Федеральную Службу), и пошёл бороться с террором. В те годы бандитский террор особенно сильно терзал Россию. Но не это обстоятельство толкнуло Антона Камнева в жерло столь жестокой, яростной борьбы. Брат. Брат Сашка был всему виной. Этот выблядок, сбежав из семьи, нашлявшись неизвестно где, в итоге сменил веру, отрастил рыжую бороду и, гордо именуя свою персону Шамиль Арат-

ский (арат – монгольский пастух), имея под рукой несколько сотен горцев с автоматами, объявил джихад России.

–Ваш брат? – полковник Клыкков, указывая на монитор компьютера, где дёргался стоп-кадр видеоролика, гадливо заулыбался Антону.

–Мой.

–Конторе его убрать или проявите личное усердие?

–Сам всё сделаю.

–Удачи!

И брат стал охотится на брата.

Но Шамиль Аратский был неуловим.

В итоге случилось то, что вытекало из этой долгой неуловимости – в теракте в Москве погибли родители Антона.

Антон знал, что причастен к акту был Шамиль, и гибель родителей – не рок судьбы, не фатальная случайность. Он убил их. Убил осмысленно. Выследил их обычный маршрут по городу, и убил, организовав теракт, принеся в жертву и десятки других людей.

С той поры ненависть переполняла душу и сердце, иногда переливаясь через край. Только бы достать ублюдка. Он лично выдавит глаза уроду большими пальцами. Ишь ты, Аратский! Пастух! Претендует на роль нового миссии? Своё стадо собирает, чтобы потом пасти?

«Я твоё стадо разгоню, урод!», – пообещал Антон сам себе, глядя в зеркало.

Последняя выходка Шамиля обозначила его местопребыва-

вание – на Северном Кавказе. Случилось дело в приграничье Чечни и Дагестана – туда всё ещё наведывались боевики-недобитки, и по тридцать, и по пятьдесят человек, пополняя свои ряды новыми приверженцами из безработных, нищих аулов.

Антон кинулся в гущу контртеррористической операции. Федеральные силы из местных дагестанцев и чеченцев разбили боевиков в хлам. Антон нашёл и уничтожил подпольную типографию, печатавшую поддельные доллары и тысячные рублёвые купюры. Шамиль остался без денег. И разбитый, нищий полевой командир, один из последних пилигримов двух Кавказских войн, улизнул за грузинскую границу.

«Ничего, тварь, ты ещё вернёшься. Я же здесь, в России. Я же живой! Я чувствую, что тебе плевать на всякие там эмараты и джихады. Ты меня мечтаешь завалить. И ты вернёшься! И тогда ты ответишь за смерть родителей, и ответишь, почему стал таким волком!», – Антон пристально посмотрел на Большой Кавказский хребет, и сплюнул себе под ноги.

Брат ушёл. Зализывать раны. Отдыхать. Пора и ему было взять передышку.

И Антон поехал в отпуск, к бабке, в Санкт-Петербург... Там его бандиты брата и достали...

«»»»»»»

Говорят, что Бог не фраер, и если не случается воздаяние

тут же, сразу, после содеянного, будь уверен – оно свершится в положенное время, и так неожиданно, что взвоешь от того, что всегда знал это, и, всё равно, оказался не готов к такому...

Судьба свела Шамиля Аратского с Иваном Даниловым в душей, жаркой Африке. Шамиль отсиживался там после грандиозной зачистки израильских спецслужб, Данилов, наконец-то, решил сцепиться в схватке за преобладание в мафиозном мире со своим главным конкурентом – Арой Толстым. У Шамиля в подвале уже томился родной брат Антон, которого он решил уничтожить в страшном, кровавом сафари, которое устраивали бандиты в кенийской саванне, а Данилов, захватив в заложницы родственницу Ары – прекрасную Лолу Балаян, жену племянника Ары – Карена, и своего непутёвого зятя Савватаея, собирался провернуть хитрую комбинацию, итогом которой была бы роскошная гибель заложников и поражение Ары в надвигавшийся мафиозной войне.

Оба решили действовать сообща, объединив усилия в кровавом шоу. При этом Данилов желал подчинить Шамиля своей власти, чтобы после, его руками вершить грязные дела в Европе. А Шамиль, к приятному (страшной казни ненавистного брата), желал добавить полезное – вытрясти из Данилова какие-никакие деньги, и списать мафиози туда же, в пасти хищников.

Эти замыслы появились именно благодаря случаю с экс-

курсионным автобусом, когда разъярённые бабуины разорвали группу западных туристов. Два ловца удачи – Мамбеле и Зинзе, сойдясь с пройдохой, жирдяем Сикой, вскоре организовали незаконные спектакли с пожиранием бомжей хищниками. А тут было такое предложение – заказчики привезут своих «бомжей».

Когда в Кению прибыла группа Арсана – близкого помощника Шамиля, с пленником Антоном (тому пообещали, что его отпустят, после сложного дела, во что Камнев не верил и только ждал момента для побега), и людьми Данилова, в сопровождении Савватея и прекрасной Лолиты, у организаторов сафари возникли свои, далеко идущие, планы. Причём у Сики одни, а у ловцов удачи Мамбеле и Зинзе – другие...

Глава первая

Старый пассажирский «боинг» египетской авиакомпании совершил посадку в аэропорту Найроби.

Антон чуть задержался на выходе из самолёта. Неужели он примет смерть в этой далёкой стране? Антона толкнули в затылок, и он шагнул на трап. Воздух был отвратительно прелый, насыщенный надвигающимся дождём. У зелёной стены леса, там, далеко, небо клубилось иссиня-чёрными тучами. Густой мрак с электрическим треском прорезали зигзаги молний, и тем страннее было отсутствие грома. Всё совсем не так, как в России. Тучи медленно ползли на город.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.